

нецъ Джона Стюарта Милля. Вѣроятно, рѣдкому изъ его слушателей пришлось избѣжать передачи довольно таки педантичнаго размышленія Джорджа Льюиса о томъ, что всѣ формы правленія сами по себѣ превосходны, если отвѣчаютъ условіямъ и историческимъ привычкамъ даннаго народа. Вообще эволюціонная точка зрѣнія, пріобрѣтая настолько право гражданства въ сочиненіяхъ современныхъ историковъ-публицистовъ, что она грозитъ сдѣлаться общимъ мѣстомъ, почти отсутствовала въ изложеніи Каченовскаго, какъ отсутствуетъ она въ равной мѣрѣ не только у Монтескьё, но у того же самаго Ипполита Пасси, мысль котораго такъ сильно связывала и опутывала мысль Дмитрія Ивановича. Поставимъ-ли мы это ему въ вину, имѣя передъ глазами примѣръ недавнихъ соціологовъ, собранныхъ на конгрессъ въ Парижѣ и заявившихъ устами русскаго сенатора Лилиенфельда о неподвижности и неизмѣняемости политическихъ формъ? Неповинный въ доктринерствѣ Дмитрій Ивановичъ не въ состояніи былъ, однако, отдѣлаться вполне отъ нѣкоторыхъ общихъ мѣстъ и апріорныхъ умозаключеній этой школы. Такъ, и имъ, вслѣдъ за плеядою публицистовъ эпохи реставраціи и іюльской монархіи, повторялось избитѣйшее положеніе, что свобода непримирима съ равенствомъ, положеніе яко-бы подтверждаемое сравнительнымъ опытомъ Англіи и Франціи, изъ которыхъ послѣдняя пожертвовала свободою равенству, тогда какъ первая

въ своемъ гражданскомъ неравенствѣ нашла залогъ автономнаго самоопредѣленія личности. Чтобы вкоренить въ насъ эти взгляды Каченовскій отсылалъ свою аудиторію къ статьѣ «о характерѣ французовъ и англичанъ», когда-то напечатанной имъ въ журналѣ Евгеніи Туръ. Мнѣ поручено было компилировать эту статью, и, сколько я помню, я нашелъ въ ней по меньшей мѣрѣ 30 чертъ отличія въ народномъ характерѣ обѣихъ націй, всѣ онѣ болѣе или менѣе вытекали изъ односторонняго увлеченія англичанъ — свободой, французовъ — равенствомъ. Насколько удобно было усвоеніе этихъ нелегко уловимыхъ и всегда спорныхъ чертъ,—это другой вопросъ, и назиданіе, которое современный лекторъ можетъ вынести для себя изъ примѣра Каченовскаго, повидимому, то, что не слѣдуетъ отсылать аудиторію къ юношескимъ статьямъ. Это противоположеніе уравнительныхъ французовъ, потому самому теряющихъ свободу, съ аристократическими и потому самоопредѣляющимися въ своей дѣятельности англичанами съ каждымъ годомъ становилось все большимъ и большимъ анахронизмомъ. Имперія Наполеона III, чтобы удержаться, принуждена была принять личину либерализма, а англійскіе консерваторы, чтобы не уступить почвы либераламъ, проводили черезъ парламентъ избирательную реформу, открывавшую самимъ рабочимъ классамъ возможность представительства. Повсюду въ Европѣ, параллельно съ стремленіемъ къ поли-

тической свободѣ, расло и движеніе въ пользу всеобщаго права голосованія. Бисмаркъ не считалъ возможнымъ не включить его въ число устоевъ современнаго германскаго единства. Каченовскій былъ слишкомъ проникателенъ, чтобы не видѣть того направленія, въ какомъ происходитъ политическое обновленіе Европы, и случайное повтореніе во вступительныхъ лекціяхъ мыслей вродѣ тѣхъ, съ какими я только что познакомилъ Васъ, казалось ненужнымъ перезвономъ чего-то стараго и отжившаго.

Этого было достаточно, однако, чтобы упрочить за Каченовскимъ въ студенчествѣ моего времени совершенно невѣрную репутацію скрытаго противника того обхватившаго общество съ эмансипаціи крестьянъ демократическаго движенія, которое такъ наглядно сказывалось въ нашей передовой журналистикѣ съ «Современникомъ» и позднѣе «Отечественными Записками» во главѣ. Прибавьте къ этому представленіе о Каченовскомъ, какъ о строгомъ экзаменаторѣ, и вполне понятнымъ явится нѣкоторый упадокъ его популярности. Дмитрій Ивановичъ чувствовалъ это, и при случаѣ, не прочь былъ сказать слово осужденія по адресу, какъ онъ выражался, современныхъ «измовъ», и все-же нравственная его личность такъ импонировала всѣмъ намъ, что даже тѣ, которые видѣли нѣкотораго рода измѣну въ прославленіи все-же аристократической по природѣ англійской конституціи, никогда

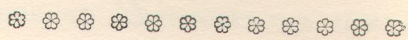
не позволили бы себѣ сомнѣнія въ томъ, что въ университетскихъ дѣлахъ, въ частности въ дѣлахъ студенческихъ, Каченовскимъ могло руководить что либо, помимо стремленія къ «абсолютной справедливости». Съ именемъ его связывалась память о героическихъ походахъ въ пользу очистки университета отъ всего затхлаго и тлетворнаго, въ пользу искорененія всякихъ остатковъ фаворитизма, наложившихъ свою позорную печать на нѣкоторыхъ членовъ корпорации въ царствованіе Николая Павловича. Всѣ знали также, что все свѣжее и общающее въ рядахъ профессорской молодежи могло рассчитывать на его поддержку. Вотъ почему съ такой вѣрой и съ такимъ уваженіемъ относились къ этому мнимому англomanу и мои яacobинствующіе товарищи. Вотъ почему его тяжкая болѣзнь и преждевременная смерть была горемъ для всего университета. И вотъ почему съ памятью Дмитрія Ивановича навсегда будетъ связано представление, не только какъ о выдающемся ученомъ и рѣдкомъ профессорѣ, но и какъ о воспитателѣ ряда поколѣній.

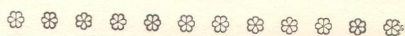
Ар. Фатѣевъ.

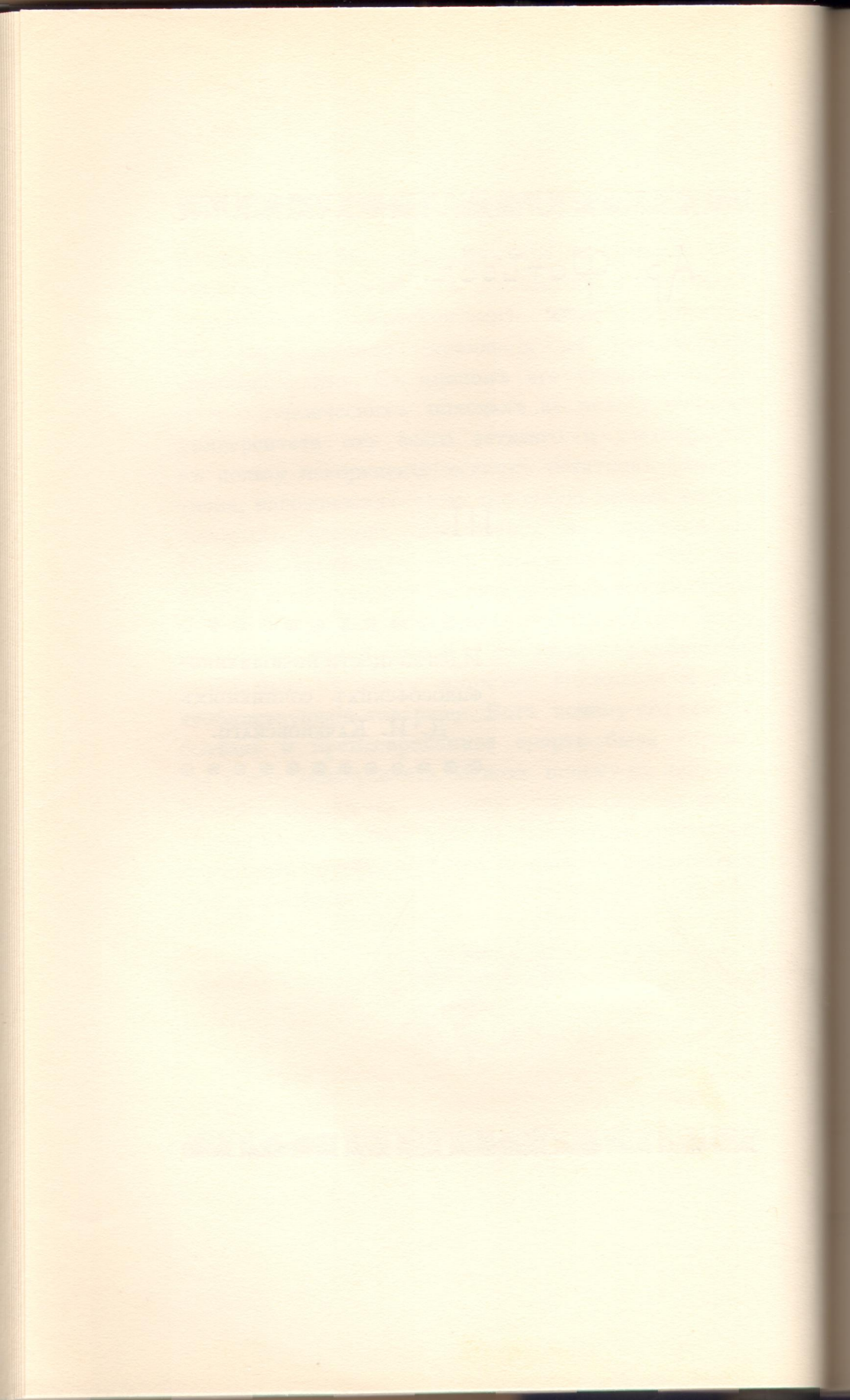
III.

Идея личности въ политико-
философскихъ сочиненіяхъ

Д. И. Каченовскаго.

оя краткая рѣчь—вставной эпизодъ среди научныхъ характеристикъ и воспоминаній о Димитріи Ивановичѣ Каченовскомъ, предложенныхъ сегодня Вашему вниманію, котораго я не рѣшился бы утруждать: не могу внести цвѣтной штрихъ въ колоритный и жизненный образъ.

Но, по роду своихъ занятій, я счелъ себя не въ правѣ уклониться отъ этой обязанности послѣ того, какъ совѣтъ юридическаго общества, осуществляя прекрасную мысль—возсоздать образъ, по возможности, во всей полнотѣ—почтилъ меня просьбой сказать немного, что имѣю.

Научная энергія Каченовскаго разливалась далеко за грани ближайшей сферы его преподавательской дѣятельности и коснулась, между прочимъ, политической философіи.

Именно здѣсь я хотѣлъ бы отмѣтить одинъ изъ свѣтлыхъ лучей его ума, блеснувшій въ предразсвѣтную эпоху судебныхъ реформъ.

Я говорю о его работахъ: «Взглядъ на исторію политическихъ наукъ въ Европѣ» 1859 г. 142 стр. и «О современномъ состояніи политическихъ наукъ на западѣ Европы и въ Россіи» 1862 г. VI+172 стр.—нынѣ библиографическихъ рѣдкостяхъ.

Если справедливо правило Спинозы: въ философіи не радоваться, не печалиться, но понимать, то въ области политической философіи, рѣшающей свои проблемы съ точки зрѣнія категоріи должествованія, мало понимать, надо—вѣрить. Мало вѣрить,—надо любить идеаль предносящейся дѣйствительности и ретроспективно освѣщающій прошлое.

Вспоминая сегодня о профессорѣ въ старыхъ стѣнахъ этого зала, гдѣ нѣкогда звучало его живое слово, мы не можемъ скрыть ни радости, ни печали. Мы не можемъ не радоваться, ибо то, что ясно понималъ, чему вѣрилъ и что любилъ Каченовскій, знаемъ, вѣримъ, любимъ и мы; не печалиться, потому что любимыя идеи его, хотя вошли въ русское научное правосознаніе, все же и донинѣ остаются во многомъ предметами вѣры и надежды...

Русская политическая мысль, небогатая литературой ко времени появленія указанныхъ работъ Каченовскаго, имѣла одно лишь крупное и замѣчательное произведеніе Неволіна ¹⁾, отдавшее дань нѣмецкому идеализму.

Напротивъ, Каченовскій, особенно въ методологіи — предвозвѣстникъ позитивнаго направленія,

¹⁾ Энциклопедія законовѣдѣнія. Спб. 1857 г. 2-е изданіе.

нашедшаго затѣмъ свое яркое выраженіе въ книгѣ профессора Сергѣевича «Задачи и методы государственныхъ наукъ», по замѣчанію Новгородцева ¹⁾, «vade mesum» публицистовъ того времени.

Харьковскій ученый присоединяется къ живому движенію, охватившему государствовѣдѣніе 19 столѣтія, которое бодро и смѣло выбивается на широкій путь изученія фактовъ, размышленія надъ ними, а не надъ утопіями государственной романтики.

Путь указало естествознаніе. Усвоивъ принципъ закономерности соціальныхъ явленій, публицисты отнынѣ не были уже въ роли бѣгущихъ за китайскими тѣнями, а вносили планомѣрность туда, гдѣ, по противоположнымъ воззрѣніямъ, царили хаосъ и произволъ случая съ абсолютною властью въ качествѣ единственнаго регулятора. Приверженцы этихъ послѣднихъ воззрѣній говорили, что политическая наука не можетъ ни создать государства, ни воспрепятствовать его упадку. Она можетъ вносить и вносила лишь смуту въ умы. Зачѣмъ-же въ такомъ случаѣ она лицамъ, стоящимъ у кормила правленія? Не довольно ли для нихъ искусства, ловкости и практической смѣтки ²⁾?

Противъ такого мнѣнія всѣми силами возставалъ Каченовскій, заимствуя матеріалъ для своихъ разсужденій изъ лучшихъ политическихъ сочиненій Англіи и континента.

¹⁾ См. его ст. въ сборн. „Проблемы Идеализма“.

²⁾ Стр. 6. Взглядъ etc.

Онъ отвѣчалъ, что государство не призракъ ¹⁾, а фактъ, могущій стать объектомъ наблюденія. И оно показываетъ, что государство не только временное и мѣстное, но всемірно историческое явленіе, законъ жизни и развитія ²⁾ человѣка.

Политическая наука изучаетъ его, имѣя неоспоримый, отправной пунктъ: тождество природы человѣческой, требованія и законы которой всегда и вездѣ одинаковы и неизмѣнны ³⁾, не смотря на всѣ оттѣнки индивидуальности.

Не станемъ, однако, добиваться отъ науки чего она дать не въ силахъ: немедленнаго примѣненія къ жизни ея истинъ. Силы науки, какъ бы желаетъ сказать Каченовскій, направляются къ проведенію во всеобщее сознаніе ея истинъ, которыя, «начинаютъ дѣйствовать, становясь безсознательными, обратившись въ привычку, вѣрованіе, предразсудокъ ⁴⁾».

Не менѣе напрасны извѣты, что политическая наука вноситъ смуту въ умы. Гдѣ существующій порядокъ достигаетъ своей цѣли и согласуется съ потребностями народа, тамъ, можно сказать навѣрное, не опасны никакіе политическіе писатели.

Если люди довольны и счастливы, трудно доказать имъ противное. Но предположимъ даже, что управление извѣстнаго государства идетъ неудовле-

¹⁾ *Ib.* стр. 13.

²⁾ Современное состояніе etc. стр. 35.

³⁾ Взглядъ etc. 22 стр.

⁴⁾ Тѣмъ: *Les origines et. cet. (L'ancien rigime).*

творительно, что нація отъ него страдаетъ; и въ такомъ случаѣ изслѣдованіе недостатковъ принятой системы не повредитъ гражданскому строю: чтобы исправить зло, надобно понять сначала, въ чемъ оно заключается, какія имѣетъ причины. Мракъ не исцѣляетъ общественныхъ ранъ, не скроетъ страданій политическаго организма, не притупитъ его чувствительности.

Если человѣкъ не знаетъ, откуда происходитъ боль, онъ тѣмъ сильнѣе беспокоится, тѣмъ меньше даетъ себѣ отчета въ своей досадѣ, тѣмъ скорѣе обращаетъ злобу и месть на невинныя лица. Тоже бываетъ и съ обществомъ: невѣжество не облегчитъ, а только усилитъ его страданія, сдѣлаетъ ихъ невыносимыми. Наука, напротивъ, объяснитъ свойства недуга и найдетъ, если возможно, способы врачеванія ¹⁾!..

Вотъ мысли, явившіяся въ русской политической литературѣ предъ шестидесятыми годами. Мы можемъ, мы должны ихъ повторить, потому что они не утратили ни своей правды, ни своей умѣстности.

Такова точка зрѣнія Каченовскаго на политическую науку и примѣненіе ея къ жизни.

Но заглядывая глубже въ существо его мыслей, мы замѣчаемъ неустанное стремленіе найти сокровенный смыслъ эволюціи политическихъ идей. И Каченовскій, повидимому, находитъ его въ постепенномъ проясненіи идеи человѣческой личности.

¹⁾ Взглядъ etc. 107 стр.

Не останавливаясь здѣсь на нѣкоторомъ не объясненномъ эклектизмѣ индивидуализма и социализма у почтеннаго автора, такой результатъ его политическаго мышленія является тѣмъ любопытнѣе, что современная намъ школа возрождающагося естественнаго права близко соприкасается съ нимъ въ этомъ пунктѣ. Правда, мы находимъ у него еще смѣшеніе политико-философской и историко-соціологической точекъ зрѣнія, тогда какъ молодая школа, опираясь на Канта и защищая нравственную автономію личности, различаетъ соціологическую и нормативную категоріи изученія ¹⁾.

Все же Каченовскій вѣрно понялъ движеніе индивидуалистической эволюціи и полагалъ вмѣстѣ съ Робертомъ Молемъ, что въ противоположность поглощенію личности государствомъ въ античной философіи, «новая приняла за исходный пунктъ субъективный разумъ».

Выступивъ съ своими требованіями и опираясь на естественное право, личность защищала свою свободу до тѣхъ поръ, пока не измѣнила стараго, основаннаго на силѣ и преданіи порядка ²⁾, ибо чувство свободы, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ ³⁾, есть общечеловѣческое чувство; его источникъ пробивается всюду и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше даютъ

¹⁾ См. проблемы идеализма. Ст. проф. Новгородцева.

²⁾ Взглядъ et cet. 99 стр.

³⁾ Современное состояніе et cet. 22.

ему хода; онъ не изсякнетъ въ борьбѣ; стремительность его только усиливается среди враждебныхъ обстоятельствъ.

Отъ Бэкона и Декарта до Канта всѣ онѣ (философскія системы) направлены къ одной цѣли, вырабатываютъ одну идею личности ¹⁾, которая является *praterea seipso*—политической философіи двухъ столѣтій и достигаетъ расцвѣта въ политическихъ доктринахъ блестящихъ и горячихъ умовъ Франціи и о нихъ восторженно отзывается Каченовскій. Но именно во Франціи эта идея не находитъ благопріятныхъ условій среди атмосферы, отдававшей бюрократизмомъ и централизаціей, не смотря на очистительныя политическія грозы. И потому не здѣсь искать корней политической концепціи, соотвѣтствующей идеѣ личности.

Какъ къ восполненію французской философіи, научные взоры Каченовскаго, по примѣру Монтескье, обращаются къ любимой имъ Англіи, ея философіи, ея строю. Въ долготѣнемъ опытѣ, практичности и приспособленности ея государственныхъ учрежденій къ національному индивидуализму, онъ ищетъ недостающихъ элементовъ синтезу личности и политической организаціи. Онъ находитъ ихъ «въ живительной силѣ мѣстнаго самоуправленія (*local selfgovernment*) ²⁾ и гарантіяхъ индивидуальной свободы».

¹⁾ Взглядъ etc стр. 97.

²⁾ Взглядъ.

Его всегда привлекалъ въ Англіи этотъ прочный, законѣрный порядокъ политическаго организма, не имѣющій ничего общаго, по выраженію Каченовскаго, съ «искусственной механикой», въ спасительность которой вѣрятъ еще и теперь рутинеры бюрократіи. Самому Каченовскому, убѣжденіе въ существованіи естественнаго, соціального consensus'a не позволяло вѣрить въ очистительную силу бумажныхъ регламентовъ, за то онъ вѣрилъ въ способность науки отвѣчать запросамъ государственной жизни и трудиться надъ ея улучшеніемъ. Улучшеніе же въ государствѣ всегда сопровождается, по его мнѣнію, и возвышеніемъ личности, упадокъ государства—ея упадокъ.

Если и наступитъ время, думалъ онъ, когда люди перестанутъ нуждаться въ государствѣ, они достигнутъ этого не иначе, какъ подъ его же вліяніемъ, т. е. въ то время, когда оно сольется съ обществомъ и передастъ ему свои права, свою силу и свои ресурсы.

Но отъ насъ такое время еще лежитъ далеко ¹⁾.

Научная проницательность сказалась и здѣсь. Въ то время, среди западныхъ ученыхъ образовалось сильное теченіе противъ законности введенія въ науку новаго элемента «общество»; это дѣлаетъ, однако, нашъ профессоръ вмѣстѣ съ попыткой заглянуть въ судьбы человѣческихъ формацій. Скажу болѣе: соціальную науку онъ считаетъ помощни-

¹⁾ Современное состояніе ст. с. 34.

цею государствовѣдѣнія. Предъ лицомъ ея должны быть окончательно отвергнуты отвлеченныя теоріи 18 вѣка, выполнившія свое историческое призваніе. Онъ возлагаетъ большія надежды на новое направленіе въ юридической наукѣ, получившее въ наши дни названіе соціологическаго, такъ какъ находитъ въ немъ откликъ своимъ научнымъ убѣжденіямъ.

Но вотъ въ чемъ ошибся Каченовскій, по крайней мѣрѣ относительно Россіи: отвлеченныя теоріи не отвергнуты. На нашихъ глазахъ, онѣ, можно сказать, рвутся къ жизни съ увѣренностью, что это будетъ новая, возрожденная жизнь...

Мы видимъ, какъ совершается усиленная, синтетическая работа юридико-политической мысли въ школѣ идеалистовъ.

Но стремленіе къ идеалу, страстное и неудержимое стремленіе къ міровой истинѣ, внѣ одной узкой сферы своей спеціальности, было не чуждо Каченовскому, имъ проникнуты труды ученаго, имъ дышали и имъ заражали лекціи профессора. И какъ не сказать про него, вспоминая прекрасныя слова Ренана:

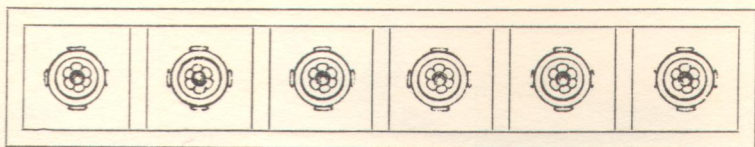
«Конечно, никто не можетъ ручаться, что онъ знаетъ отвѣтъ на загадку вселенной и безконечное, которое насъ окружаетъ: оно ускользаетъ отъ всѣхъ формулъ, которыя мы хотѣли бы наложить на него. Но есть одна вещь, которую можно утверждать смѣло; это—искренность сердца, это—преданность истинѣ и сознаніе тѣхъ жертвъ, которые

были принесены во имя нея». Это свидѣтельство Каченовскій твердо и гордо понесетъ на головѣ своей въ день страшнаго суда.

Его короткая жизнь—равнодѣйствующая двухъ силъ: неустаннаго исканія правды—истины и непреклоннаго осуществленія правды—справедливости. Онъ жилъ, отзываясь на великія проблемы своего времени. А кто жилъ такъ для своего времени, тотъ въ правѣ жить для памяти всѣхъ временъ.

Для насъ же харьковцевъ память о немъ—нашъ долгъ, который мы посильно выполняемъ, но не только по обязанности. Есть воспоминанія, изъ которыхъ черпаютъ мужество въ трудныя минуты жизни. Есть воспоминанія, которыя освѣщаютъ жизненный путь...

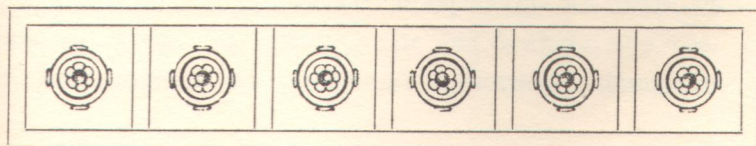

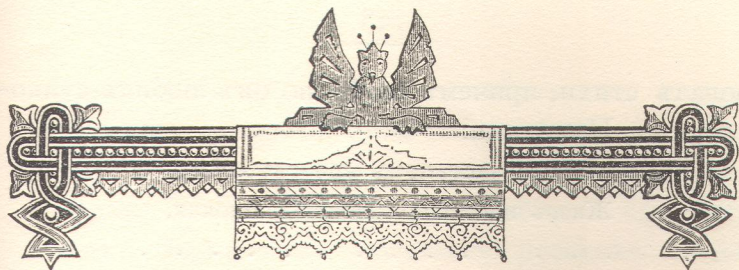

Н. Ф. Сумцовъ.

IV.

Художественные ° °
интересы ° ° ° ° ° °
Д. И. Каченовскаго.

Но словамъ проф. А. Н. Стоянова, Д. И. Каченовскій обладалъ привлекательными свойствами художественной натуры; по словамъ Де-Пуле, Каченовскій былъ «художникъ въ душѣ». Это воспоминанія людей, хорошо знавшихъ Каченовскаго.

Художественные интересы Д. И. развились главнымъ образомъ въ концѣ его жизни, нужно думать потому, что въ это время искусство для самого Каченовскаго приобрѣло особенно важное значеніе.

На дняхъ одна дама, лѣтъ 30 тому назадъ учившаяся въ харьковской Маріинской гимназіи, въ случайномъ разговорѣ со мной, по поводу настоящаго засѣданія, сказала, что она неоднократно видѣла и слышала покойнаго профессора въ стѣнахъ училища, куда его приглашали для бесѣды, для чтенія. Каченовскій съ большимъ чувствомъ деклами-

ровалъ стихи, причемъ особенно онъ любилъ стихотвореніе Никитина:

Вырыта заступомъ яма глубокая,
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
.....
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонѣкъ, замерла...

Жизнь самого Каченовскаго въ это время уже замирала, подточенная злой чахоткой.

Что же согрѣвало его одинокую жизнь? Согрѣвала его наука, пока были силы для работы, согрѣвало еще болѣе искусство, даже въ тяжелые послѣдніе годы его жизни, поддерживая въ немъ жажду идеала.

Каченовскій находилъ утѣшеніе въ музыкѣ. «Когда я въ первый разъ зашелъ на квартиру Д. И., говорилъ покойный проф. Павловичъ, Каченовскій привѣтствовалъ меня радостно... Съ восторгомъ усѣлся Д. И. за плохое фортепьяно, разложилъ сонату Бетховена и началъ играть; игралъ онъ не артистически, гдѣ не выходило подпѣвалъ... Но это не затрудняло Д. И.: онъ былъ въ такомъ настроеніи, какъ будто слышалъ самое отличное пѣніе. Такой неподдѣльный восторгъ, такое возсозданіе силою воображенія музыкальнаго произведенія составляли характерную черту въ его любви къ музыкѣ».

И поэзія давала Д. И. Каченовскому немало утѣшенія, что уже обнаруживалось въ его живой

любви къ литературнымъ чтеніямъ, къ произнесенію стихотвореній, даже въ послѣдніе годы, когда чтенія были для него затруднительны по слабости здоровья. Между прочимъ, Каченовскій былъ страстнымъ любителемъ простыхъ русскихъ пѣсенъ. А. Н. Стояновъ говоритъ: «Въ теченіе многихъ лѣтъ и постоянныхъ нашихъ отношеній, имѣлъ я случай не разъ убѣдиться, что русская мелодія оказывала магическое дѣйствіе на Д. И., лицо его мгновенно свѣтлѣло и слетала съ него хандра, часто гостившая въ его душѣ».

Своего товарища по университету проф. Метлинскаго Каченовскій цѣнилъ за его любовь къ народной поэзіи. Это обстоятельство, случайно отмѣченное въ статьѣ Де-Пуле, показываетъ, что Каченовскій умѣлъ цѣнить и украинскую народную поэзію.

Каченовскій находилъ утѣшеніе еще въ живописи. Характерное въ этомъ отношеніи свидѣтельство находится въ Воспоминаніяхъ Де-Пуле. Пріѣхалъ онъ въ Харьковъ всего на два дня, чтобы повидаться съ Каченовскимъ, и вотъ Каченовскій повелъ его въ музей изящныхъ искусствъ, и здѣсь объяснялъ картины и рисунки, причемъ такъ увлекся, что забылъ о пустотѣ своей аудиторіи и о чрезмерной продолжительности лекціи. «Затѣмъ, добавляетъ Де-Пуле, мы отправились гулять на Холодную гору въ Карповскій садъ. Отсюда открывался красивый видъ на городъ. Изъ массы городскихъ зданій рѣзко выдѣлялись стоящія на горкѣ универ-

ситетскія постройки; между ними высоко бѣжала къ синему небу соборная колокольня. Видъ былъ недуренъ, а Каченовскому онъ напоминалъ Саламанку, знаменитый въ лѣтописяхъ науки испанскій университетъ».

Понятно было восхищеніе Де-Пуле старыми мѣстами послѣ двадцатилѣтней съ ними разлуки, въ очарованіи тихаго лѣтняго вечера; но Каченовскій любовался еще болѣе, обращая вниманіе на нашу Саламанку, какъ онъ называлъ университетъ, не разъ восклицая: «а жаль покинуть».

Въ этой Саламанкѣ у Каченовскаго было не мало враговъ, сильныхъ и талантливыхъ. Въ этой Саламанкѣ кипѣла тогда жестокая партійная борьба; но Каченовскій такъ горячо любилъ харьковскій университетъ, что даже подъ гнетомъ тяжелой болѣзни не хотѣлъ его покинуть. Глубокая привязанность Каченовскаго къ университету была обусловлена прежде всего и болѣе всего возвышенностью его нравственнаго душевнаго склада и его устойчивымъ идеализмомъ; но было же кое-что привлекательное и въ самой мѣстной Саламанкѣ, что скрашивало и заставляло забывать внутренніе ея недостатки, привлекательное въ ея ученыхъ задачахъ, въ ея образовательныхъ учрежденіяхъ, въ частности въ музеѣ изящныхъ искусствъ, въ интеллектуальномъ строѣ ея жизни, поддерживавшемъ принципы общаго блага. Это былъ Университетъ стараго устава и старыхъ традицій.

Въ концѣ своей недолгой жизни Каченовскій обратился къ серьезному изученію искусства. Онъ подготовился къ тому весьма основательно, частью чтеніемъ специальныхъ изслѣдованій, частью путешествіями по Западной Европѣ, въ особенности по Италіи, въ которой онъ былъ пять разъ, все болѣе и болѣе отдаваясь созерцанію и изученію ея великихъ художественныхъ памятниковъ.

Каченовскому принадлежитъ превосходная статья «Флоренція и ея старые мастера», напечатанная въ Вѣстн. Европы 1869 г. и несовсѣмъ обработанныя статьи о Микель Анджело и о судьбахъ искусства въ Западной Европѣ, напечатанныя съ многими погрѣшностями уже по смерти автора въ плохенькой мѣстной газетѣ «Харьковъ» въ 1877 и 1878 г. въ длинномъ рядѣ фельетоновъ. Статья о флорентійскихъ художникахъ, весьма объемистая, въ 120 стр., обнимаетъ исторію итальянской живописи съ конца XV вѣка. Къ главнымъ достоинствамъ статьи относятся стройное, послѣдовательное изложеніе, мастерскія отдѣльныя характеристики, выдержанный высокій строй мысли, благородное воодушевленіе, вполне отвѣчающее достоинству предмета, простой, ясный и живописный языкъ. Статья эта до настоящаго времени сохранила привлекательную свѣжесть и нынѣ смѣло можетъ быть рекомендована, какъ хорошее пособіе для самообразованія.

Имя Д. И. Каченовскаго съ благодарностью будетъ вписано на лучшихъ страницахъ харьковскаго университета, какъ имя разносторонняго ученаго, соединявшаго въ своихъ симпатіяхъ и трудахъ науку и искусство, какъ человѣка прекраснаго сердца и возвышенныхъ стремленій, какъ благороднаго учителя истины и красоты ¹⁾.

¹⁾ Болѣе подробная статья проф. Н. Θ. Сумцова на эту тему подъ заглавіемъ „Труды Д. И. Каченовскаго по исторіи искусства“ напечатана въ Южн. Краѣ 1901 г. №№ 6905—6906.

Генардъ Туринанъ.

V.

ВЛІЯНІЕ * * * * *
Д. И. КАЧЕНОВСКАГО
НА СОВРЕМЕННИКОВЪ.

J. H. KATHOROKATO
IN THE

 В сегодняшнемъ торжественномъ собраніи Юридическаго Общества, посвященномъ памяти проф. Д. И. Каченовскаго, да будетъ позволено и мнѣ, не юристу, но имѣвшему счастье встрѣчаться въ жизни съ Д. И. Каченовскимъ и искренне его любившему, сообщить то немногое, что сохранилось о немъ въ моей памяти. Какъ не юристъ я, конечно, не имѣю претензіи пытаться очертить ученую и преподавательскую дѣятельность Д. И.; не пытаюсь также представить общій очеркъ Д. И. какъ человѣка и общественнаго дѣятеля. То немногое, что могу сообщить, прибавить, можетъ быть, только нѣсколько черточекъ въ воссоздаваемому здѣсь сегодня образу Каченовскаго.

Образы, воспоминанія тѣхъ мелочей и подробностей встрѣчъ и бесѣдъ моихъ съ Д. И. Каченовскимъ, которыя могли бы дать матерьялъ для объективнаго очерка его личности, къ сожалѣнію за 30—40 лѣтъ, протекшихъ съ тѣхъ поръ, сильно у меня поизгладились. Мнѣ не удастся воскресить съ достаточной ясностью въ моей памяти ни цѣль-

ныхъ эпизодовъ изъ жизни его, ни характерныхъ его изрѣченій, ни даже тѣхъ житейскихъ мелочей, которыя даютъ характерную окраску личности. Но чѣмъ болѣе стараюсь припомнить эти подробности, тѣмъ яснѣе для меня выступаетъ воспоминаніе того вліянія, которое оказывала обаятельная личность Д. И. Каченовскаго на окружающую его среду, такъ сказать, то настроеніе, которое создавалось личностью и дѣятельностью Каченовскаго.

Имя Каченовскаго мнѣ пришлось въ первые слышать еще мальчикомъ въ среднихъ и старшихъ классахъ гимназіи въ началѣ 50-хъ годовъ. Съ гордостью гимназистами нерѣдко подчеркивалось, что молодой и талантливый проф. Каченовскій воспитывался въ нашей 1-й гимназіи. Фактъ этотъ поднималъ въ нашихъ глазахъ значеніе и честь нашей гимназіи и усиливалъ нашъ гимназическій патріотизмъ.

Популярность Каченовскаго въ Университетѣ среди студентовъ всѣхъ факультетовъ сильно возрастаетъ со времени его возвращенія изъ за границы. Въ сентябрѣ 1859 года разнеслась вѣсть въ Университетѣ, что Д. И. Каченовскій возвратился изъ за границы и начинаетъ читать лекціи. На вступительную его лекцію собралась масса студентовъ всѣхъ факультетовъ. Аудиторія была переполнена. Содержаніе этой лекціи я помню только смутно: онъ говорилъ о своихъ работахъ за границей, о положеніи преподаванія международнаго

права въ Университетахъ разныхъ странъ, о публицистикѣ въ разныхъ государствахъ и очертилъ попутно современное политическое положеніе разныхъ націй. Меня лекція эта привела въ полный восторгъ, какъ красотой и ясностью изложенія, такъ богатствомъ содержанія и новизной для меня высказанныхъ имъ мыслей. Въ теченіе всего этого года неоднократно нѣкоторые изъ моихъ товарищей медиковъ, и я съ ними, пользовались всякимъ случаемъ, чтобы пропустить лекцію своего факультета (а это было въ наше время дѣломъ рискованнымъ) и прослушать лекцію Каченовскаго. Отрывочныя лекціи эти, конечно, не могли для насъ имѣть значеніе систематическаго курса науки. Но я помню, что каждая прослушанная нами у Каченовскаго лекція вызывала у насъ новыя мысли, побуждала къ обсужденію новыхъ для насъ вопросовъ изъ чуждой намъ области наукъ, давала матеріалъ для оживленныхъ бесѣдъ и преній въ нашихъ студенческихъ кружкахъ.

Каченовскій пользовался среди студентовъ всѣхъ факультетовъ глубокимъ уваженіемъ. До насъ студентовъ доходили свѣдѣнія о совѣтской дѣятельности его, о борьбѣ противъ зла пансіонерства, о его гражданскомъ мужествѣ, съ какимъ онъ выступалъ противъ всякаго зла, противъ всякой неправды. Лично Каченовскій популярности среди студентовъ не искалъ, поблажекъ имъ не дѣлалъ. Студенты его очень боялись. Онъ былъ требова-

тельнымъ преподавателемъ, строгимъ экзаменаторомъ. Но онъ былъ строгъ и къ себѣ, самъ много работалъ, а для занимающихся студентовъ и молодыхъ ученыхъ былъ всегда очень доступенъ. Въ этомъ и крылась причина его авторитетности и уваженія къ нему. Вліяніе Каченовскаго на университетскую молодежь разныхъ факультетовъ было весьма благотворное: онъ много содѣйствовалъ развитію у насъ того, что нѣмцы называютъ *wissenschaftlicher sinn, wissenschaftliches Streben*. И на нравственную сторону и на вкусъ къ изящному Каченовскій умѣлъ вліять.

Ранней весной 1861 года я уѣхалъ за границу, гдѣ провелъ въ общей сложности около 5 лѣтъ. По возвращеніи моемъ мнѣ посчастливилось познакомиться съ Каченовскимъ, принимать его, хотя и нечасто, у себя, бывать у него.

У себя дома Каченовскій былъ привѣтливымъ хозяиномъ. Гость чувствовалъ себя у него какъ-то особенно хорошо и уютно. Этому много содѣйствовала привѣтливость и радушіе его матери, симпатичной и умной Вѣры Кондратьевны и царившія у нихъ теплыя семейныя отношенія. Мать жила и дышала сыномъ, умѣла понимать и цѣнить его, съ большимъ тактомъ входила въ его интересы. А заботливость и вниманіе Д. И. по отношенію къ матери были по истинѣ трогательны.

Всѣ общественныя явленія живо интересовали Каченовскаго. Судебная реформа и освобожденіе

крестьянъ были имъ горячо привѣтствованы. На исполненіе обязанности присяжнаго засѣдателя онъ смотрѣлъ какъ на честь, являлся для этого въ судъ почти съ благоговѣніемъ, въ праздничной одеждѣ.

Каченовскій любилъ изящныя искусства и былъ большимъ знатокомъ въ нихъ. У него была хорошая коллекція гравюръ и рисунковъ, которые онъ охотно показывалъ своимъ гостямъ; съ удовольствіемъ посѣщалъ онъ художественныя выставки и любилъ дѣлиться своими впечатлѣніями. Онъ любилъ музыку и, говорятъ, недурно игралъ.

Каченовскій любилъ общество; его живая, красивая рѣчь, громадный запасъ свѣдѣній, жизнерадостность и отсутствіе филистерскаго тона дѣлали его весьма интереснымъ собесѣдникомъ. Онъ любилъ и женское общество и одно время очень увлекался одной изъ первыхъ красавицъ Харькова.

Формалистомъ онъ не былъ, но общественныя условности соблюдалъ довольно строго.

У Каченовскаго было много друзей. Но какъ всѣ выдающіеся люди онъ имѣлъ также недоброжелателей и враговъ. Мнѣ лично никогда не случилось быть свидѣтелемъ прямыхъ враждебныхъ выходокъ противъ Каченовскаго. Но недоброжелательные отзывы о немъ приходилось слышать: говорили, что Каченовскій какъ ученый—не глубокъ. Правда ли это—объ этомъ слушатели, юноши-юристы и мы, слушатели не юристы, судить не могли. Но лекціи и рѣчи его будили умъ его слу-

шателей, побуждали серьезно углубляться въ вопросы общечеловѣческихъ отношеній.

Каченовскаго обвиняли въ западничествѣ. Но вѣдь въ то время солнце всходило для насъ не съ востока, а съ запада: съ запада къ намъ шель свѣтъ чистой науки и теплота человѣчности. Каченовскій дѣйствительно любилъ западъ, особенно Англію. Превосходное знаніе новыхъ языковъ дало ему возможность глубже изучить Западную Европу, ознакомиться съ общественной и даже частной жизнью, приобрѣсти дружбу выдающихся ученыхъ и общественныхъ дѣятелей и завязать съ ними сношенія. Почерпнулъ Каченовскій много хорошаго отъ запада, но несъ онъ и знанія и трудъ свой на пользу горячо любимой родины своей, на пользу дорогого ему русскаго юношества и неустанно работалъ въ родномъ нашемъ Харьковскомъ Университетѣ до самой своей смерти, похитившей его у насъ такъ рано, такъ жестоко...

А. Шимковъ.

VI.

Воспоминанія о ♦ ♦
Д. И. Каченовскомъ.

Рѣчь въ собраніи Харьковскаго Юридическаго
о о Общества 22-го Ноября 1903 года. о о

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

ъ настоящій день, посвященный воспомина-
ніямъ о Дмитріѣ Ивановичѣ Каченовскомъ
и оцѣнкѣ его ученой, профессорской и обще-
ственной дѣятельности, передъ Вами, М.м. Г.г.,
выступаютъ люди разныхъ періодовъ, различныхъ
поколѣній. Первыми говорили люди молодые, ро-
дившіеся если не послѣ кончины, то незадолго до
кончины Каченовскаго, знающіе Каченовскаго по
его печатнымъ трудамъ и по воспоминаніямъ его
современниковъ. Прочитано затѣмъ сообщеніе М. М.
Ковалевскаго, который былъ студентомъ Харьков-
скаго Университета и слушателемъ Каченовскаго
въ послѣдніе годы его жизни—въ концѣ 60-хъ и
началѣ 70-хъ годовъ. Въ лицѣ уважаемаго коллеги
и современника моего по Университету Л. Л. Гирш-
мана и моемъ передъ вами выступаютъ студенты
конца пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія, ме-
дикъ и математикъ, слушавшіе Каченовскаго въ
періодъ его наибольшей популярности, какъ про-
фессора, ставшіе затѣмъ, съ половины 60-хъ годовъ,
его сослуживцами по профессурѣ. Недостаетъ здѣсь

ни старшихъ по возрасту учениковъ, ни современниковъ и ровесниковъ Каченовскаго: хотя они имѣются, но ряды ихъ сильно порѣдѣли. Къ числу первыхъ слѣдуетъ отнести уважаемаго профессора А. Н. Стоянова, котораго уже здѣсь вспоминали; къ сожалѣнію болѣзнь помѣшала ему быть въ этомъ собраніи, интересъ котораго онъ поднялъ-бы своимъ присутствіемъ. Изъ живыхъ современниковъ и ровесниковъ Каченовскаго я упомяну здѣсь академика Н. Н. Бекетова и бывшаго бібліотекаря Харьковскаго Университета Я. О. Баляснаго; оба они не живутъ въ Харьковѣ. Каченовскому, если-бы онъ дожилъ до настоящаго дня, было-бы теперь около 80 лѣтъ, и вполне естественно, что среди насъ насчитывается такъ мало современниковъ его; излагая передъ собравшимися здѣсь мои воспоминанія о Каченовскомъ, я считаю необходимымъ указать на это и напомнить, что мы говоримъ о далекомъ прошломъ, о человѣкѣ другого поколѣнія.

Если сопоставить этотъ фактъ, такъ сказать, хронологическаго характера, съ измѣненіемъ строя Университета и настроенія общества за истекшія 35—40 лѣтъ, съ тѣмъ забвеніемъ, въ которомъ находилось долгое время самое имя Каченовскаго,—забвеніемъ, нарушаемымъ, къ моему большому удовольствію, настоящимъ собраніемъ,—то нельзя не заключить, что весьма много пережито за эти годы и Университетомъ и обществомъ и что современникамъ можетъ показаться совершенно чуждымъ

многое въ томъ прошломъ, о которомъ мы сегодня вспоминаемъ. Какъ участникъ въ жизни Университета въ эти воспоминаемые здѣсь прошлые годы, я не могу считать себя безпристрастнымъ цѣнителемъ совершившагося измѣненія; знаю также, что старые люди, по однимъ уже фізіологическимъ причинамъ, склонны любовно относиться къ прошлому, украшать въ своихъ воспоминаніяхъ пережитое въ дни ихъ бодрой молодости; что старческая неудобоподвижность и подавленное самочувствіе побуждаютъ пожилыхъ людей критически и даже брезгливо относиться къ настоящему,—и эти соображенія обязываютъ меня воздержаться отъ сравнительной оцѣнки двухъ сопоставляемыхъ періодовъ. Но эти же соображенія даютъ мнѣ основаніе сказать здѣсь, что произошедшая за эти годы перемѣна такъ велика, что въ сужденіяхъ о дѣятеляхъ Университета въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, въ теченіе которыхъ Каченовскій игралъ такую выдающуюся роль, неизбѣжно уже принимать въ соображеніе время этой дѣятельности и то состояніе общества, при которомъ она совершалась. Страны и общества, развивающіяся органически, въ зависимости отъ роста общественнаго сознанія, живутъ въ указанномъ смыслѣ несравненно законообразнѣе и, такъ сказать, медленнѣе, чѣмъ мы: тамъ настоящее и будущее вытекаютъ преемственно и послѣдовательно изъ прошлаго, вырастаютъ постепенно, примѣнительно къ развитію жизни и обществен-

наго сознанія. Мы же, какъ часто на это жалуются, живемъ не самостоятельною жизнью: мы лишены общественнаго почина, ждемъ его извнѣ, чаще всего отъ начальства,—и потому жизнь наша идетъ скачками и притомъ въ разныхъ направленіяхъ, въ зависимости отъ настроеній правящихъ сферъ и вырастающихъ вліяній. По этой причинѣ русское общественное развитіе можно уподобить дереву, ростъ котораго обставленъ по временамъ сильными, ненормальными и къ тому же часто измѣняющимися условіями: черезъ это вѣтки дерева растутъ на немъ несимметрично: онѣ сильно и рѣзко выгибаются въ разныя стороны, искривляются и направляются даже внизъ, причемъ иногда вновь нарастающая вѣтвь перетираетъ прежнюю. Такъ растущія деревья не могутъ дать ни прямого ствола, ни стройныхъ вѣтвей; отъ нарастающихъ изгибовъ и сучьевъ фигура ихъ быстро мѣняется, изъ года въ годъ, и иногда—до неузнаваемости. Многіе изъ здѣсь присутствующихъ, подобно мнѣ, учились при одномъ Университетскомъ Уставѣ, начали службу при другомъ, а окончили ее при третьемъ. То же можно повторить о многихъ другихъ учрежденіяхъ. Соответственно этому мѣнялись и общественныя настроенія, и значеніе людей въ жизни общества. Упоминаю я объ этомъ опять не для того, чтобы квалифицировать измѣняющіяся настроенія общества, а для того, чтобы указать на необходимость, при сужденіяхъ о Каченовскомъ, и не смотря на то,

что онъ лишь 30 лѣтъ тому назадъ сошелъ съ общественной сцены, принимать въ расчетъ эти быстрыя и обыкновенно не координированныя измѣненія общественныхъ настроеній, и судить о дѣятельности Каченовскаго въ Харьковскомъ Университетѣ примѣнительно къ современнымъ ей настроеніямъ, какъ того требуетъ правильная оцѣнка прошлаго. Для выясненія предыдущей мысли я сошлюсь на фактъ, упоминаемый М. М. Ковалевскимъ и котораго я самъ былъ свидѣтелемъ. На лекціи Каченовскаго по международному праву собиралась вся студенческая интеллигенція: ихъ посѣщали не только обязательные слушатели—юристы, но вы могли встрѣтить тамъ филологовъ, математиковъ и медиковъ; этими лекціями онъ, несомнѣнно, будилъ мысль и направлялъ ее къ гуманности и правдѣ. Въ пятидесятыхъ годахъ, когда крѣпостное право представляло еще одну изъ неприкосновенныхъ основъ нашего государственнаго строя, когда у многихъ изъ студентовъ были крѣпостные слуги, лекціи Каченовскаго о торгѣ неграми и о борьбѣ Европейскихъ государствъ, въ томъ числѣ и Россіи, съ этимъ позорнымъ дѣломъ давали ему предлогъ, не упоминая ни единымъ словомъ о нашихъ крѣпостныхъ, будить въ своихъ слушателяхъ чувства справедливости и гуманности по отношенію къ этому печальному пережитку нашей исторіи. Какъ ни сдержанно и абстрактно, въ виду существовавшихъ тогда условій,

велась рѣчь о рабствѣ негровъ, она наводила слушателей на размышленія *pro domo sua* и бросала доброе сѣмя въ ихъ сердца. Этимъ сѣменемъ для многихъ изъ слушателей Каченовскаго опредѣлилась ихъ послѣдующая дѣятельность въ открывшихся съ 1858 г. комитетахъ по улучшенію быта крестьянъ. И я могу засвидѣтельствовать здѣсь, что многіе изъ дѣятелей этихъ комитетовъ были постоянными посѣтителями скромныхъ «субботъ», которые собирались за вечернимъ чаемъ въ тѣсной квартирѣ Каченовскаго на Большой Панасовкѣ; наоборотъ, къ нему крайне враждебно относились и называли его краснымъ и революціонеромъ противники этой необходимой и даже запоздалой реформы. Также точно затрагивались Каченовскимъ на лекціяхъ международнаго права—вопросы національные, на лекціяхъ государственнаго права европейскихъ державъ—вопросы о мѣстномъ самоуправленіи, о мировыхъ судьяхъ, о судѣ присяжныхъ, —подготавливая публику къ текущимъ дѣламъ внутренней и внѣшней жизни и ожидаемымъ въ то время преобразованіямъ въ нашемъ отечествѣ (земская и судебная реформы) и волновавшимъ Европу національнымъ вопросамъ—итальянскому и германскому. Это все сообщало курсамъ Каченовскаго общеобразовательный характеръ, —и студенты и публика въ Харьковѣ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ такъ и относились къ курсамъ и публичнымъ лекціямъ Каченовскаго. Если бы со-

временный читатель сталъ судить объ этихъ лекціяхъ, не принимая во вниманіе времени и условій, при которыхъ онѣ были читаны, то онъ былъ бы совершенно лишенъ возможности оцѣнить ихъ значеніе для Университета и общества въ 50-хъ годахъ истекшаго столѣтія. Помимо содержанія лекцій, отвѣчавшаго запросамъ современниковъ, успѣху ихъ способствовала и прекрасная манера изложенія: простая и внятная рѣчь, чуждая какой бы то ни было вычурности и грубыхъ эффектовъ, крайне сдержанная жестикуляція, симпатичный, хотя и слабый, голосъ, который, однако, отчетливо слышался въ небольшихъ университетскихъ аудиторіяхъ того времени—все это, въ соединеніи съ содержаніемъ курсовъ и лекцій, которое, по отзывчивости своей натуры, Каченовскій умѣлъ связать съ вопросами, волновавшими умы его слушателей,—все это дѣлало Каченовскаго какъ бы центромъ умственного движенія въ Харьковѣ въ рассматриваемый періодъ, и приводило къ сопоставленію его профессорской дѣятельности въ Харьковѣ съ такою же дѣятельностью Т. Н. Грановскаго въ Москвѣ въ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ. Можетъ быть будущій, болѣе обстоятельный изслѣдователь жизни Харьковскаго Университета въ рассматриваемый періодъ внесетъ въ предыдущее опредѣленіе значенія дѣятельности Каченовскаго много дополненій и даже поправокъ, но я твердо убѣжденъ, что Каченовскому, въ то время, о которомъ идетъ рѣчь здѣсь, принадлежала

роль руководителя юношества, а отчасти и общества, въ образованіи его политическихъ и общественныхъ воззрѣній и что эту роль онъ выполнилъ и съ честью, и съ большимъ успѣхомъ. Правда, при той быстрой смѣнѣ настроеній, на которую я указалъ въ началѣ этого доклада, положеніе Каченовскаго въ Университетѣ и обществѣ еще при жизни его сильно измѣнилось въ связи съ литературнымъ и общественнымъ движеніемъ въ нашемъ отечествѣ, которое послѣдовало за первыми преобразованіями Императора Александра II. Я не оскорблю памяти многоуважаемаго учителя и друга, когда скажу здѣсь, что онъ не успѣлъ за этимъ движеніемъ и, даже болѣе, по своей природѣ, по складу мыслей и характеру, онъ не могъ послѣдовать ему. Каченовскій, по своему направленію, былъ западникъ и идеалистъ; обладая самъ значительнымъ литературнымъ талантомъ, онъ съ большимъ интересомъ и любовью относился къ литературѣ и искусству, исторіи котораго онъ преимущественно посвятилъ послѣдніе годы своей жизни. Вопросы естествознанія, въ которыхъ полетъ мысли ограничивается и сдерживается обязательно для нихъ связью съ фактомъ, казались ему узкими и мало интересовали его; позитивизмъ рѣшительно не удовлетворялъ его. Это нерѣдко давало поводъ къ спорамъ его съ пріятелями-естественниками; споры велись обыкновенно въ шутливой формѣ, но принимали иногда и серьезный оборотъ. Материали-

стическія воззрѣнія, которыя въ то время, подъ вліяніемъ переводной литературы, стали быстро распространяться среди молодежи, не укладывались въ умъ Каченовскаго, склонномъ къ идеализму и поэзіи, и онъ уклонялся отъ общенія съ людьми, которые настойчиво высказывали ихъ по разнымъ поводамъ. Въ общественной жизни Каченовскаго занимала главнымъ образомъ область политическихъ правъ и отношеній: вопросы огражденія правъ личности, свободы слова и т. п.; соціально-экономическая сторона общественныхъ отношеній, которая выдвинулась въ общественномъ сознаніи на первое мѣсто во второй половинѣ истекшаго столѣтія, была чужда Каченовскому, какъ и многимъ изъ его современниковъ. Такимъ образомъ Каченовскій, не смотря на то, что жизнь его была коротка, какъ бы пережилъ себя: къ срединѣ 60-хъ годовъ умственный потокъ, въ челѣ котораго, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, дорогими для русскаго просвѣщенія именами дѣятелей 40-хъ и 50-хъ годовъ, плылъ до того Каченовскій, сталъ обходить, если хотите, обгонять его. Выразилось это на мѣстѣ, въ Харьковѣ, измѣненіемъ отношенія къ его лекціямъ, которыя не посѣщались уже всѣмъ университетомъ, какъ въ недавнее время; въ литературѣ это сказалось рѣзкою критикою его трудовъ въ передовыхъ журналахъ того времени, при чемъ ихъ укоряли въ догматизмѣ и доктринерствѣ. Каченовскій видѣлъ эту пережѣну и она огорчала его, но ни по характеру

своему, ни по силѣ своихъ убѣжденій онъ не могъ, да и не хотѣлъ приноровиться къ новымъ вкусамъ. Онъ не измѣнялъ своей фizioноміи въ угоду современности и въ послѣдніе годы жизни все болѣе и болѣе расходился съ нею. Отставая отъ передовыхъ современниковъ, онъ не пятился, однако, и назадъ, въ сторону реакціи, а оставался на своемъ мѣстѣ. Нужно думать, что этотъ разладъ между нимъ и современными настроеніями общественной мысли въ послѣдніе годы его жизни былъ одною изъ причинъ сосредоточенія дѣятельности Каченовскаго на исторіи искусства, которая, впрочемъ, всегда привлекала его. Въ этой области онъ стоялъ въ сторонѣ отъ потока, который болѣзненно задѣвалъ какъ его самого, такъ и, еще болѣе, его основныя воззрѣнія, и въ этомъ отчужденіи отъ настоящей злобы дня онъ находилъ не только относительный покой, но и удовлетвореніе своимъ художественнымъ и поэтическимъ наклонностямъ. Для большой публики это послѣднее настроеніе обозначалось появленіемъ статей по исторіи итальянскаго искусства въ періодическихъ изданіяхъ; для знакомыхъ, видѣвшихъ его дома, это же самое сказывалось весьма разнообразно и характерно. Удовлетворяя указаннымъ наклонностямъ, Каченовскій при частыхъ поѣздкахъ на каникулярное время за границу, посвящалъ ихъ не лѣченію тогда уже обнаруживавшагося недуга, а тратилъ свои лѣтніе досуги преимущественно на разѣзды по Италіи и Испаніи

и на изученіе художественныхъ и литературныхъ памятниковъ этихъ странъ. То же настроеніе побудило его добиваться чтенія лучшихъ произведеній литературы этихъ странъ въ подлинникахъ,—и я былъ свидѣтелемъ, какъ онъ для этого къ прежде знакомымъ ему новымъ языкамъ—французскому, нѣмецкому и англійскому—присоединилъ изученіе итальянскаго и испанскаго языковъ, чтобы читать Данте и Сервантеса въ ихъ подлинникахъ. Тѣ же побужденія подвинули его къ возобновленію въ памяти свѣдѣній по греческому и латинскому языкамъ,—чтобы читать въ подлинникахъ произведенія греческихъ и латинскихъ классиковъ. Существованіе этого настроенія къ изученію умственной и художественной жизни человѣчества сказывается въ Каченовскомъ во многомъ другомъ: въ коллектированіи рисунковъ, нотъ, художественныхъ изданій и т. под., и это ложилось тяжелымъ бременемъ на его бюджетъ, приходъ котораго получался исключительно отъ жалованья.

Оно же, вѣроятно, можетъ объяснить намъ, какъ могъ сынъ бѣднаго чиновника, рано потерявшій отца и оставшійся безъ всякихъ средствъ къ существованію, успѣть къ тому времени, о которомъ идетъ рѣчь, научиться французскому, нѣмецкому и англійскому языкамъ и игрѣ на фортепіано и все это довести—очевидно личными усиліями и безъ посторонней помощи—до такой степени совершенства, чтобы свободно читать и объясняться на

этихъ языкахъ и удовлетворительно выполнять трудныя піесы классическаго репертуара для фортепіано какъ соло, такъ и въ ансамблѣ. Этими вкусами Каченовскаго обусловлены были многія личныя отношенія его къ художникамъ, коллекціонерамъ, музыкантамъ, ученымъ, въ особенности же—къ знакомымъ дамамъ. Нужно было обладать большимъ запасомъ энергіи и способностей, чтобы развить такую роскошную культуру въ той скудной обстановкѣ, въ которой выросъ и прожилъ Каченовскій. Люди, пробившіеся впередъ собственными талантами и трудомъ и, благодаря этому, занявшіе выдающееся положеніе среди окружающихъ, весьма часто становятся строгими и требовательными къ другимъ; это сообщаетъ имъ суровый видъ, неприступность, этимъ они внушаютъ болѣе боязни, чѣмъ любви окружающимъ. Къ тому же въ стремленіи къ тому, что Каченовскій считалъ за добро, и въ противодѣйствіи тому, что онъ считалъ за зло, онъ бывалъ непреклоненъ и не останавливался передъ рѣшительными дѣйствіями для достиженія намѣченной цѣли. Въ Харьковскомъ Университетѣ, въ то далекое время, было въ большомъ ходу помѣщеніе состоятельныхъ студентовъ на квартирахъ у профессоровъ, которымъ за этихъ пансіонеровъ платили весьма значительныя по тому времени суммы.

Когда Каченовскій сталъ профессоромъ Харьковскаго Университета, только два изъ его старшихъ товарищей по юридическому факультету—

профессора Палюмбецкій и Станиславскій—были свободны отъ этого грѣха, не имѣли пансіонеровъ; всѣ же остальные, какъ хорошіе, такъ и плохіе, профессора не гнушались этого, по меньшей мѣрѣ, сомнительнаго и скользкаго дѣла. Благодаря этому для профессорскихъ пансіонеровъ получались чрезвычайно благопріятныя условія для благополучнаго прохожденія ими университетскаго курса и окончанія его: рука руку мыла, а Палюмбецкій и Станиславскій вообще не были борцами, держались строго легальныхъ требованій на экзаменахъ и къ ихъ экзаменнымъ требованіямъ не трудно было приспособить пансіонеровъ, даже самыхъ неспособныхъ и малосвѣдущихъ. Каченовскій не могъ съ этимъ примириться, и онъ противопоставилъ особенную придирчивость къ профессорскимъ пансіонерамъ на экзаменахъ по международному праву какъ бы въ компенсацію за облегченные для нихъ экзамены по другимъ предметамъ. Предметъ Каченовскаго давалъ для того хорошій матеріалъ—въ видѣ историческихъ справокъ и сопоставленій, которыя дѣйствительно имѣютъ большое значеніе въ международномъ правѣ,—и Каченовскій сталъ пользоваться этимъ со свойственною ему въ подобныхъ случаяхъ прямолинейностью. Не прошло нѣсколькихъ лѣтъ примѣненія этого пріема, какъ пансіонерство стало ненадежною защитою для неспособныхъ и лѣнивыхъ и стало, вообще, подвергаться осужденію какъ среди студентовъ, такъ и въ обществѣ.

Въ 1856 г., когда я поступилъ въ Университетъ, оно еще существовало, но было уже въ упадкѣ; черезъ три-четыре года оно совсѣмъ исчезло. Кромѣ того поднятія общаго настроенія, которое произошло въ это время, въ связи съ общественнымъ движеніемъ, сопровождавшимъ первые годы царствованія Императора Александра II-го, уничтоженіе этого зла должно быть поставлено также въ заслугу Каченовскому. Нужно, впрочемъ, сказать, что Каченовскій вообще былъ строгъ и придиричивъ на экзаменахъ, какъ это совершенно вѣрно упоминаетъ и объясняетъ М. М. Ковалевскій. Самъ онъ въ своей трудовой жизни такъ много преодолѣлъ препятствій и столь многому научился,—и это давало ему основаніе быть требовательнымъ по отношенію къ другимъ. Непреклонность въ дѣйствіяхъ всегда наталкивается на различныя жизненныя явленія, съ которыми, какъ принято думать, слѣдуетъ считаться; когда это не соблюдается, то нерѣдко наступаютъ тѣ сочетанія, которыя хорошо опредѣляются старымъ изреченіемъ: *summius jus, summa injuria*. Я и не стану оправдывать всѣхъ экзаменныхъ строгостей и придирокъ Каченовскаго, но, рискуя попасть не въ тонъ съ современнымъ настроеніемъ, скажу, что общество и Университетъ несравненно болѣе теряютъ отъ слабости экзаменаторовъ, чѣмъ отъ строгости ихъ, самимъ-же экзаменаторамъ строгость обходится недешево, во всякомъ случаѣ много тяжелѣе, чѣмъ снисходитель-

ность. И Каченовскому она причиняла много огорчений и тяжелыхъ объясненій. Въ объясненіе и извиненіе ея я приведу здѣсь слѣдующій случай, въ которомъ непреклонное служеніе принципу причинило обиду одному лишь Каченовскому и когда онъ, тѣмъ не менѣе, не измѣнилъ ему. Въ началѣ 60-хъ годовъ стали говорить и писать о пересмотрѣ Университетскаго Устава, причемъ въ основу преобразованія ставился принципъ самоуправленія Университетовъ, который впослѣдствіи и былъ сравнительно полно проведенъ въ Уставъ Университетовъ 1863 г. Каченовскій, искренній сторонникъ самоуправления Университетовъ, помѣстилъ по этому предмету въ столичныхъ изданіяхъ нѣсколько замѣтокъ, которыя обратили на себя вниманіе. Когда Министерство Народнаго Просвѣщенія обратилось къ Попечителю съ приглашеніемъ прислать делегата отъ Университета для составленія проекта Устава, то бывшій тогда Попечителемъ Харьковскаго Учебнаго Округа, ген.-лейт. Левшинъ, который относился съ большимъ вниманіемъ и любезностью къ Каченовскому, предложилъ ему быть делегатомъ Харьковскаго Университета. Не смотря на то, что тогда еще дѣйствовалъ Уставъ 1835 г. съ поправками 1848 г. и формально о самоуправленіи Университета не могло быть и рѣчи, Каченовскій заявилъ Попечителю, что делегатъ Университета долженъ быть выбранъ Совѣтомъ Университета, а не Попечителемъ, и что онъ командировки отъ

Попечителя не можетъ принять. Попечитель, конечно, не захотѣлъ уступить ѣ избранію совѣту не предоставилъ, но безъ затрудненія нашелъ профессора, готоваго принять командировку отъ него; то былъ профессоръ гражданскаго права, впоследствии сенаторъ Пахманъ.

Можно было бы припомнить еще нѣсколько болѣе или менѣе рельефныхъ случаевъ прямолинейности и непреклонности въ поведеніи Каченовскаго. Съ этимъ свойствомъ, вообще тяжелымъ въ обществѣ, немногіе изъ его сослуживцевъ мирились; большинство ихъ приписывало это не твердости убѣжденій и вѣрности принципу, а заносчивости и самомнѣнію, и недолюбливало Каченовскаго; но все-же это большинство не могло не считаться съ нимъ. Присутствіе въ Университетѣ товарища, который всегда былъ готовъ высказать открыто свое принципиальное мнѣніе, не смотря на то, что въ немъ содержалось осужденіе дѣйствій кого либо изъ присутствующихъ, не могло не возстановлять противъ Каченовскаго; но въ то же время это самое не могло и не импонировать окружающимъ, тѣмъ болѣе, что въ своихъ отношеніяхъ къ Университету и студентамъ Каченовскій былъ до педантичности корректенъ, безупреченъ. Мнѣ кажется, что этимъ Каченовскій, не смотря на свою непопулярность среди профессоръ-современниковъ, оказалъ большое вліяніе на общее направленіе дѣятельности совѣта Харьковскаго Уни-

верситета въ тѣ годы. Съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія вспоминаю я объ этой дѣятельности и не обинуясь скажу, что она должна быть въ значительной мѣрѣ поставлена въ заслугу Д. И. Каченовскому. Его дѣятельность въ этомъ направленіи причиняла ему много служебныхъ непріятностей, особенно въ послѣдніе годы его жизни, когда реакція въ министерствѣ и Университетѣ стала сильнѣе. Обожавшая его старуха-мать нерѣдко журила его за его выходки, но это не склоняло его къ измѣненію образа дѣйствій. Наоборотъ, съ развитіемъ недуга, который такъ скоро свелъ его въ могилу, развивались раздражительность и несдержанность, отъ послѣдствій которыхъ онъ самъ испытывалъ большія страданія; успокоившись, онъ не пытался оправдывать свои выходки, но не могъ воздержаться отъ нихъ на слѣдующій день. Вспоминая ихъ въ тѣсномъ кругу, въ шутливомъ тонѣ, онъ сравнивалъ себя съ Донъ-Кихотомъ, чтеніе котораго было для него любимымъ занятіемъ въ послѣдніе годы жизни. Въ этомъ шуточномъ сравненіи, если имѣть въ виду преданность идеѣ и стремленіе къ намѣченной цѣли, это сравненіе имѣло, думается мнѣ, болѣе основаній, чѣмъ это полагалъ самъ Каченовскій. Какъ бы въ объясненіе своей неприспособленности къ Харькову, который онъ называлъ въ шутку Саламанкою, онъ примѣнялъ къ себѣ одно изъ изреченій рыцаря печальнаго образа: «да, за грѣхи мои я учился въ

Саламанкъ и умру въ ней». Можетъ быть всѣ упоминаемые здѣсь обстоятельства обезцѣнили для него сохраненіе и продолженіе жизни, которая приносила ему такъ много огорченій, вѣрнѣе же—непреклонное служеніе долгу, которое трудно было совмѣстить съ усиленными заботами о здоровьи,—но онъ рѣшительно отказывался отъ систематическаго лѣченія, при которомъ обязательно было соблюдать покой, давать себѣ частый отдыхъ и беречь силы. Жизнь при такихъ условіяхъ—говаривалъ онъ—не настоящая и не стоитъ сохранять ее. Предчувствуя близкій конецъ, онъ заранѣе озаботился обезпеченіемъ участи старухи-матери. Состоя членомъ литературнаго фонда, онъ заранѣе хлопоталъ о пенсіи для нея на случай его смерти и съ удовольствіемъ показывалъ мнѣ письмо Кавелина, извѣщавшее его о состоявшемся по этому дѣлу постановленіи комитета. Не смотря на совѣты докторовъ—прожить зиму на югѣ и прекратить во всякомъ случаѣ чтеніе лекцій—онъ возобновилъ чтеніе своего курса осенью 1872 года въ то время, когда онъ не могъ уже громко говорить; приходилось поручать чтеніе записокъ студентамъ, ограничиваясь вставками при чтеніи своихъ объясненій,—и такъ онъ продолжалъ до послѣднихъ дней. Онъ подошелъ къ могилѣ такъ же прямолинейно и непреклонно, какъ прожилъ всю свою жизнь, не измѣнивъ себѣ и тому знамени, подъ которымъ онъ вступилъ въ жизнь. Въ ночь 19 декабря 1872 г. его не стало.

Мраморная надгробная плита, окруженная желѣзною рѣшеткою, была положена на могилу Каченовскаго по единогласному постановленію совѣта Харьковскаго Университета вслѣдъ за его кончиною, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ она же была реставрирована Университетомъ. Не смотря на это вниманіе Университета къ сохраненію могилы Каченовскаго, я считаю себя вправѣ утверждать, что имя Каченовскаго, какъ и его могила, забыты теперь, и имя его рѣдко кѣмъ воспоминается. Жизнь ученыхъ и литераторовъ, какъ жизнь умственная и духовная вообще, рѣдко даетъ яркій матеріалъ для жизнеописанія и характеристики и въ этомъ отношеніи она представляетъ неблагоприятный матеріалъ для біографа. Сознавая эти трудности, не могу не опасаться, что моя попытка характеризовать общественную и Университетскую дѣятельность человѣка, память котораго я глубоко почитаю, мнѣ не удалась, что я не смогъ достаточно рельефно выставить высокія умственные и душевныя качества Каченовскаго и отчетливо выяснить вамъ его значеніе для Харьковскаго Университета и современниковъ его вообще. Чтобы закончить и дополнить мои воспоминанія о Каченовскомъ, я скажу здѣсь, что онъ представляется мнѣ подобнымъ хорошо сформированному прозрачному кристаллу съ зеркально гладкими гранями и острыми ребрами,—твердому и тоже рѣзкому на ощупь: нельзя не остановиться и не полюбоваться его опредѣлен-

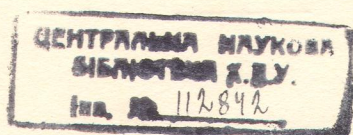
ностью и чистотою. Вся жизнь Каченовскаго, начиная съ юности и до его кончины, представляется мнѣ непрерывнымъ и самоотверженнымъ служеніемъ убѣжденіямъ, которыя сложились у него подъ вліяніемъ западной культуры, имъ разносторонне и глубоко усвоенной; онъ признавалъ эту культуру общечеловѣческую, а потому пригодною и для насъ; распространеніе этой культуры онъ признавалъ необходимымъ условіемъ нашего прогресса,—и онъ сѣялъ ее въ теченіе всей жизни, и тогда, когда это давало славу и почетъ и тогда, когда это вышло изъ моды и даже навлекало на него гоненіе. Легко ли такъ прожить на Руси и во времена Каченовскаго и въ наше, позднѣйшее время—на это вы, Мм. Гг., отвѣтите сами, и какъ сами знаете; но я не могу не относиться къ такой жизни, какъ жизнь Каченовскаго, иначе, какъ съ чувствомъ глубочайшаго уваженія.

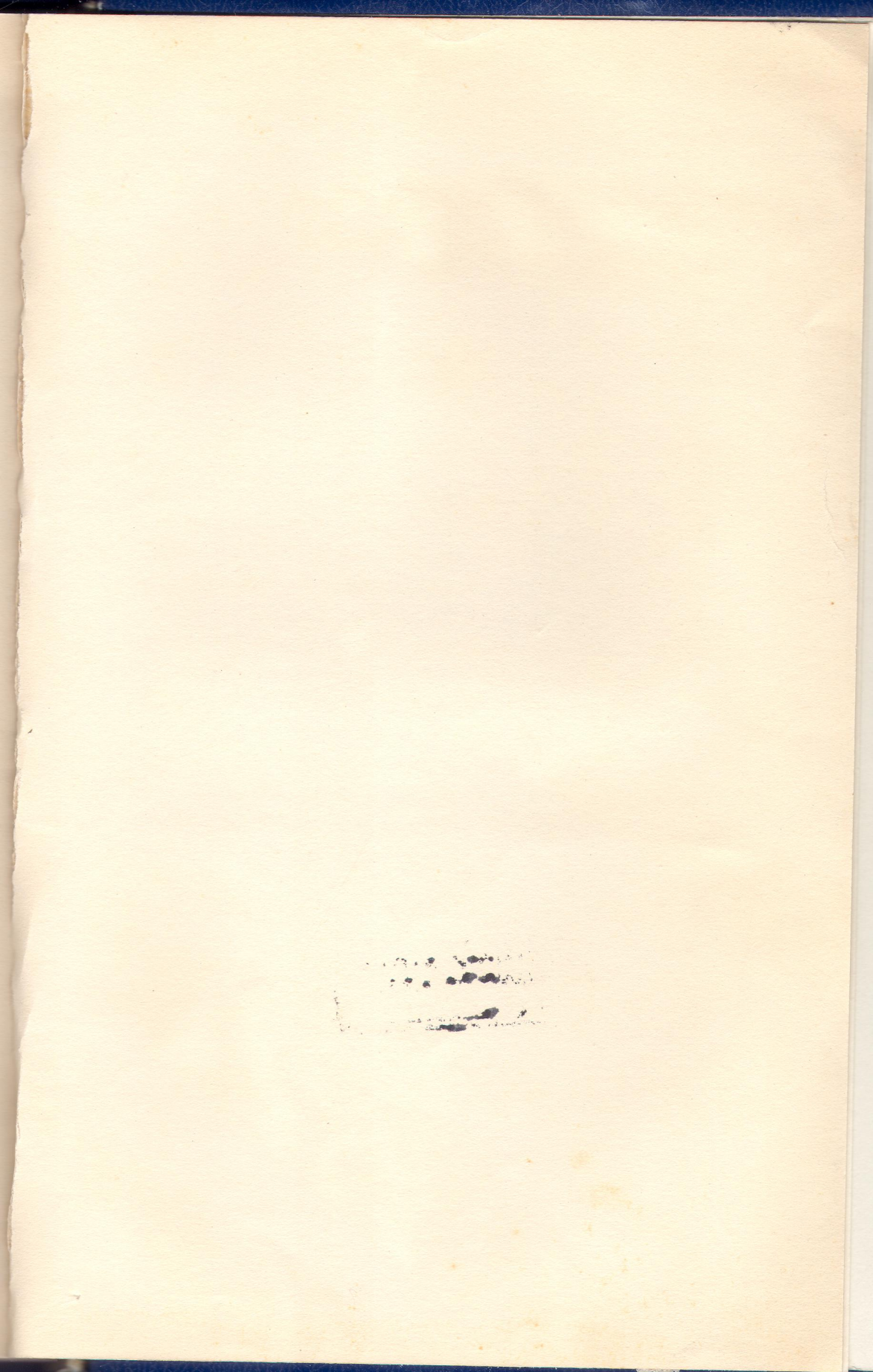
Закончу настоящее сообщеніе благодарностью Харьковскому Юридическому Обществу за напоминаніе о забытомъ нынѣ, но достойномъ, по моему глубокому убѣжденію, высокаго почитанія и долгой памяти имени Дмитрія Ивановича Каченовскаго.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вмѣсто предисловія	стр. V.
В. А. Ястржембекій —Д. И. Каченовскій, какъ ученый и преподаватель	I
Максимъ Ковалевскій. — Характеристика Д. И. Каченовскаго въ связи съ личными о немъ воспоминаніями	21
Ар. Фатѣевъ. —Идея личности въ политико-фи- лософскихъ сочиненіяхъ Д. И. Каченовскаго	43
Н. Ф. Сумцовъ. — Художественные интересы Д. И. Каченовскаго	55
Леонардъ Гиршманъ. —Вліяніе Д. И. Каче- новскаго на современниковъ	63
А. Шимковъ. —Воспоминанія о Д. И. Каченов- скомъ	71

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются
слѣдующія изданія Общества:

1. Годичное Торжественное Засѣданіе Юридическаго Общества 1902 г. Харьковъ. Цѣна 50 коп.

Содержаніе:

- А. А. Левенстимъ.* Ссылка въ Сибирь до и послѣ закона 12 Іюня 1900 года.
В. Ф. Левитскій. М. М. Ковалевскій.
В. М. Устиновъ. М. М. Ковалевскій.
А. Н. Фатъевъ. Борисъ Николаевичъ Чичеринъ. Очеркъ краткой характеристики развитія его научно-философскихъ воззрѣній.

2. Труды Юридическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ. Томъ I-й. Харьковъ, 1905 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе:

- А. Н. Анцыферовъ.* Мелкій кредитъ, его значеніе и организація въ Россіи.
В. М. Устиновъ. Идея національнаго государства.
И. П. Бьлюконскій. О мелкой земской единицѣ.
М. Г. Оршанскій. Ученіе о цѣли и правѣ наказанія.
А. А. Левенстимъ. Анатолій Федоровичъ Кони.
М. П. Бобинъ. Андрей Николаевичъ Стояновъ.
Протоколы Засѣданій Общества за 1901, 1902 и 1903 годы. Отчеты о дѣятельности Общества за 1901, 1902 годы. Списокъ членовъ Общества.

Складъ изданій: Харьковъ. Университетъ—Юридическое Общество.

V.A. KARAZNE KHARKIV NATIONAL UNIVERSITY

